

16.10.98

ГАЛИЧ

Независимая газета, -1998, -16 окт. - с. 12

ПОВТОРЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ

Отец четко научил меня отделять позицию художника и личность человека

Александра Галич

ДЛЯ МЕНЯ он был в первую очередь отец, я папина дочка — воспитывалась с ним и бабушкой. После развода мама нас оставила и уехала с театром. Мне тогда было шесть лет...

В четырнадцать лет я попала в студию при Театре Станиславского. Это был остаток той самой студии Константина Сергеевича, в которую ходил папа, когда она еще не была театром. Моими преподавателями стали бывшие папины одноклассники — Лев Яковлевич Елагин, Юрий Николаевич Мальковский, Михаил Михайлович Явшин.

Потом я закончила ГИТИС... Но сначала поступала, сдавала экзамены... Когда вывели списки зачисленных — там была моя фамилия. А уже июль, в Москве из друзей никого; зато, на мое счастье, оказался отец. Так что отметить событие мы решили втроем. Его вторая жена Ангелина ждала его в Малеевке. А я давно мечтала примерить Ангелинину длинную юбку — папа привез ей из Англии, — роскошную, из набивной тафты... Вырядились мы оба, взяли такси и поехали в ЦДЛ, там был замечательный ресторан. Столик папа заказал по телефону. В машине договорились никому не говорить, кто я, а выдать себя за любовников. Всю дорогу смеялись — почему-то эта идея нас ужасно рассмешила. Приехали. Вошли с важным видом. Все перешептываются — с кем это Галич? Папа же слыл большим ловеласом. Сели за столик. Нам принесли изумительное блюдо, что-то вроде — сейчас это, наверное, смешно — «запеченной в кожуре картошки». Еще какое-то мясо, шампанское. Все было очень вкусно и красиво, но пиришество продолжалось недолго. Кто-то (кажется, это был переводчик Наум Гребнев), пошептавшись за своим столом, к нам подсел и начал заигрывать со мной. Все было замечательно, папа тоже за мной нежно ухаживал, как вдруг все прекратил маленький человечек с грустными глазами, слегка пьяненький. Когда он сел за наш столик, я сразу почувствовала, что сейчас будет полное разоблачение — я помнила его с детства. Он печально посмотрел на нас и сказал: «Ба, Саша, это же твоя дочка. Как на тебя похожа, светленькая только». Это был Михаил Аркадьевич Светлов. Я чуть не зарыдала, его возненавидела, тут все стали смеяться, говорить: «Какая лохуха, как похожа»... Потом подошел Гердт со своей женой Катей, потом приехал Львовский — эти-то меня хорошо знали. Остаток вечера я досидела дая, как Мирица, и очень долго еще обижалась на Михаила Аркадьевича — взять и испортить такую игру!...

Другая наша игра — походы по коммиссионным магазинам. В лучшие времена папа обожал брать такси — машины у него никогда не было, хотя говорят, что он был очень богатый человек. Обеспеченный — да. Но он любил трагить: лето проводил в домах творчества в Малеевке или Перedelкине, много тратил на книги. Дома у него было удивительное собрание книг. (Когда его исключили из Союза писателей и Союза кинематографистов, он говорил, что ушел работать книгоношей: он носил книги в букинистические магазины и постепенно продавал.) Если мне нужна была какая-нибудь крупная вещь — пальто, например, — начинался особый ритуал. Мы с отцом непременно выряджались и сначала шли к метро «Аэропорт», потом на такси оббегали Москву коммиссионную — на Герцена, на Комсомольской, а в результате все-таки покупали у «Аэропорта». Там была как бы писательская коммиссионка. Когда мы входили в магазин, он меня отодвигал и говорил: «Уйди, я буду говорить нежно-половым голосом». Имелось в виду с продавщицами... Его замечательные искрящиеся карие глаза, улыбка плюс нежно-половой голос — и невдомомо как из-под прилавка сразу появлялось все, что нужно. Только тогда он подзывал меня на примерку.

Папа вообще был очень веселым, смешливым, добродушным, хотя существует и совсем другое мнение... Он умел прощать, в чем я не всегда его понимаю. Говорил ровным, спокойным голосом, даже когда ему было плохо. Волнение выдавала только нога, которой он отбивал такт, и дедушкины четки, взлетающие в его руках в том же быстром темпе. Не помню, чтобы он хоть раз повысил на меня голос. Очень точно сказал академик Лихачев: «Он не был злым, просто болел теми болями, которыми болела вся страна».

Он всю жизнь жил под звездой Пушкина, родился в Лицейский день.

В отличие от мамы, он никогда меня не воспитывал. Разве что мог дать мне книгу, но стоило ему уйти — я ее тут же засовывала подальше. Он давал мне Диккенса, например, а я в это время хотела читать сказки...

Стол его был завален периодикой, сборниками одноактных пьес на английском языке. Он хорошо владел языком, и переводил какую-то понравившуюся сцену для него не составляя труда. Помню «Ласточкино гнездо» какого-то американского писателя — он сделал мне оттуда замечательный монолог от имени бывшей актрисы, которая вышла замуж и занимается только домом. «Сделал» — значит не просто перевел, но и скомпоновал, в оригинале это был рассказ.

Для меня папа, его необычное творчество стали вырисовываться много позже — когда услыши его голос, манера говорить, руки... А пока он был жив, я могла еще фыркнуть: мол, выступаешь с непрофессионалами. Для меня бардовское движение — я-то училась в ГИТИСе! — это были просто мальчишки с гитарами, поющие про любовь и про горы, ничего особенного... Мне казалось, что отцу не место среди них. Не то чтобы писать не надо, но петь, выступать с ними — нет, он же профессионал! Были концерты в Петушках, в Дубне, и всегда находилось — и немало — людей, ховидших на эти концерты и случавших. Сейчас трудно себе представить это страшное, выморочное время, когда ложь проникла повсюду, пронизывала все отношения, была нормой жизни...

Перед каждым концертом под вечер кто-нибудь заходил, брал и выносил из дома гитару — вроде как посторонний человек его гитару утащил. Потом уже выходил Александр Галич и шел на место встречи...

Еще один штрих. Накануне Нового года я забегала к отцу попросить перед отъездом, и он подарил мне две пары туфель — белые и черные. Белые — к Новому году, а черные мне нужны были для спектакля, я играла Саскию в «Рембранте». Я схватила обе коробки и уже собиралась убежать, как

вдруг он говорит: «Оставь черные туфли. Плохая примета. Потом возьми». Актеры вообще очень суеверны — он ведь начинал как актер — роль уронил, значит, обязательно должен сесть, гвоздь на сцене нашел — надо засунуть его в сумку, черное дарить на Новый год нельзя... Но мне же на спектакль! И я забрала туфли. А через несколько дней, 29 декабря 1970 года, состоялось правление Союза писателей, исключившее Александра Галича из своих рядов. Многие тогда ему звонили и говорили: «Напиши письмо, напиши письмо, ну что тебе, трудно — мол, ты понимаешь, мол, больше не будешь». Конечно, он не написал ничего. Зато появилось открытое письмо Союза писателей Союзу кинематографистов, и в результате из последнего папу исключили автоматически.

С Наумом Коржавиным в США.

Когда Рязанов, гордясь, говорит, мол, мы не исключали, все было автоматом — я не могу его понять. Это еще страшнее — автоматом, даже не проведя собрание. Ведь при всем при том в секретариате Союза писателей было три человека — Валентин Петрович Катаев, Агния Львовна Барто, тот же Арбузов, который обвинял во всем отца, но все-таки не проголосовал за исключение.

Папа, оказавшись без работы, получал помощь от друзей. Была так называемая академическая касса: Алина Григорьевна Лебедева, жена академика Лебедева, собирала деньги, и эти деньги раздавались папе, Солженищину, Дудинцеву — по 100 рублей в месяц. Тяжелый был период. Мне пришлось уехать из Москвы во Фрунзе, там для меня нашлось место в Русском драматическом театре, а дом мой папа приезжал только летом.

Прошло три года. Мы только что поставили спектакль «Шаги командора» Коростылева, и я позвонила маме в Москву. Но разговор получился странный, совсем о другом. Потому что она вдруг спросила: «У тебя все в порядке?» — «Все в порядке». — «Знаешь, Саша уезжает». Она меня так никогда не называла, Сашей был только папа, хотя они давно разошлись. Я говорю: «А что так вдруг уезжает?» Она отвечает: «Послушай меня внимательно. Сашка — ну папа — уезжает». Ощущение пустоты — это было накануне его отъезда, — ни вылететь, ни попрощаться. Я звонила к нему, телефон не соединялся... Когда я приехала в Москву, мы были оставлены письмо и деньги. Письмо меня немножко успокоило, потому что там была такая фраза: «Надеюсь, все образуется, мы обязательно скоро увидимся». Этого не произошло никогда...

Его отъезд подействовал на меня так страшно, что соединился бром с его смертью. Когда он звонил на Бронную бабушке — а он звонил исключительно туда, — я с ней потом говорила, и мне немного становилось легче. Шел 77-й год, мне было 29, я работала во Владикавказе. Я ехала с телевидения, когда мне вдруг стало очень плохо. Было ровно 4 часа дня. Я помню, как вышла из троллейбуса — и думаю, надо идти в театр, потому что вечером из дома уже не дойду. Допледалась, отыграла спектакль, потом вызвали «скорую», отвезли в больницу. На третий день из больницы я позвонила почему-то бабушке, не маме. И вдруг она сказала, что папы больше нет. Это случилось в те самые 4 часа, когда я заболела...

А потом все стало меняться на глазах. Двадцать лет прошло со дня его смерти. Двадцать лет — что изменилось? Может быть, было проще, когда были «они» и «мы»?

Мне довелось иметь дело с Ириной Павловной Сиротинской, которая распоряжается литературным наследием Варлама Шаламова. Она показывала мне разные любовные документы. Например, письмо Валерия Аркадьевича Галича насчет того, что к творчеству своего брата он никакого отношения не имеет. Были приличные люди, например, Анатолий Павлович Злобин, журналист, которого тоже отовсюду исключили. Он сам на меня вышел. Мы сидели у него в кабинете в доме, где жил Окуджава, и он говорил: «Ты не обращай внимания, я получил побольше, чем ты...» А уже потом, когда стали закрывать дела, говорили, что б-е наблюдательное отделение — наружка — расформировано и документы, мол, исчезли. У Злобина остались кое-какие копии. Донесения замечательные: «Гитарист уехал в Минск. Пристраивать сценарий. Сделали все как полагаешь: сценарий не пойдут» (имелся в виду «Гвоздь»). Я удивилась кличкам: как в блатном мире. Злобин объяснял, что эти миры тесно связаны: у папы еще кличка была приличная — Гитарист. У него самого — Борзописец.

Говорят, Галич хотел уехать давно. Но одна маленькая деталь: уехать ненадолго, в Норвегию по приглашению, для проведения семинара по творчеству Станиславского. Это тянулось с 73-го года. Норвегия — страна, которую папа посетил одним из первых с писательской организацией, — поразила и очаровала его. Он вообще был помешан на Григе и на норвежской культуре. Норвежцы, пытаясь ему помочь хотя бы ма-

териально, прислали приглашение, потом повторяли его. Папа периодически обращался с просьбой о выезде, поскольку он действительно последний ученик Константина Сергеевича и он действительно его хранил. Константин Сергеевич умер 8 августа 1938 года. МХАТ в то время был на гастролях, и хоронили его молодые мальчишки, последние его ученики.

До определенного времени я с глубоким уважением относилась к журналистике, но потом поняла, что наша демократия весьма своеобразно трактует свободу слова. Все разглагольствовали про отъезд Галича кому как нравилось... В фильме Стефановича «Два часа с бардами» Розенбаум нагло заявил, что, мол, его больше устраивает позиция Высоцкого, чем вот так вот бросить и

ринуться на зеленую травку, которая вскоре оказалась вонючей тьмой» (из «Генеральной репетиции», про 56-й год, — слова эти могу повторить про сегодняшний день). Я долго ходила из одного отдела в другой, заявление терялось и находилось, наконец все утряслось. Потом был вечер: появились первые книги, первые сложности.

И раньше бывало худо, но всегда оставалась надежда, что-то могло измениться. Теперь же мы погружаемся в трясины окончатальной безнадеги.

Мне пришлось восстанавливать список фронтвого театра, в котором работала моя мать и мой отец. Там они и познакомились и поженились во время войны. Это был единственный фронтвый театр — не бригада. И когда его актеры решили приравнять к участникам войны, оказалось, что списки просто потеряны. Полтора года ушло на то, чтобы заставить наших чиновников пятерым актером, оставшимся в живых, выбить хоть что-то. Потеряли списки — ну сделайте новые, ведь документы есть. Нет, бюрократическая система сильна и становится еще сильнее.

Творчество Галича будет актуально еще очень долго, если не всегда. По нему будут изучать Россию второй половины XX века — энциклопедия, как правильно написал Шаламов. И лирические стихи, и его выступления на «Свободе» очень созвучны с тем, что происходит у нас сейчас.

После папиной гибели я на протяжении тринадцати лет не могла получить справку о его смерти. Я ходила между Инюрколлегией и Красным Крестом — раз в году проделывала этакий «крестный ход». В Инюрколлегии говорили: «Возьмите подтверждение в Международном Красном Кресте». Там я заполняла заявление с просьбой подтвердить, что мой отец умер в Париже 15 декабря 1977 года и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-ле-Буа. Каждый раз я получала по почте официальный ответ: «О судьбе Галича-Гинзбурга славянскому отделению Международного Красного Креста ничего не известно». По глупости решив, что они ничего не знают, я прислала им кучу советских газет. Одну я даже помню, это была «Неделя», а статья называлась «Это случилось на радиостанции «Свобода», авторы Шубин и Григорьев писали примерно так: Галич похоронен на кладбище Сент-Женевьев-ле-Буа в могиле Магдалины Голубицкой. Это выморочная могила, за ней никто не ухаживает. Голубицкая была фрейлинкой императора Николая II. Старый греховодник Александр Галич и тут не обошелся без женщины... Показываю газеты, а мне говорят: «Газета — не документ». Я обделала: «Жив хити?» И мне ответили невозмутимо: «Ну что ж, вполне возможно».

На свое счастье, я не видела отца мертвым, и мне очень хотелось верить, что он вернется... Но все-таки он умер.

Наши мертвые напоминают о себе оттуда. Нить не разорвана до конца, ее невозможно разорвать.

Мои родители очень быстро разошлись, причем инициатором была мама. Они были очень похожи, две артистические натуры. А Ангелина из-за отца бросила свою профессию — она была сценаристом и замечательным редактором. Она умела пропихивать все папины пьесы и первые сценарии поначалу. Она очень много для него сделала.

В двухтомнике, выходящем в издательстве «Слово», есть одна очень старая, 1945 года, пьеса — скетч на двоих под названием «Рассвет». Он написан специально для моей мамы. После войны многие актеры подрабатывали в концертах, играя такие небольшие, на двоих, пьески.

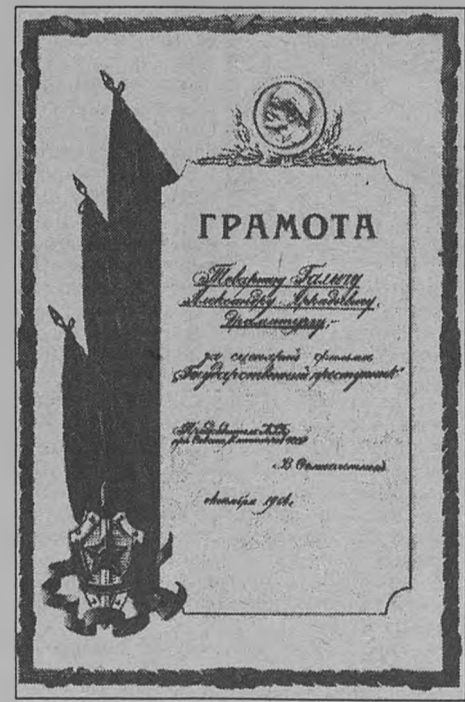
Там же есть, конечно, «Генеральная репетиция» и «Матросская тишина», которой должен был открываться театр «Современник» вместе с пьесой «Вечно живые» Виктора Розова. Папину пьесу не разрешили, и театр открылся только «Вечно живыми», хотя Олег Николаевич Ефремов, надо отдать ему должное, очень долго и упорно ходил к Фурцевой в надежде отстоять «Тишину». Ее, кстати, репетировал не только «Современник», но и Ленком в Ленинграде, и Русский драматический театр в Алма-Ате. Но поставлена впервые была в 89-м году выпускным курсом Олега Табакова и заканчивалась вторым актом. А вот полностью спектакль вышел уже в «Табакерке», после того как я дала Табакову свой выверенный экземпляр пьесы. В постсоветское время ставили «Матросскую тишину» еще где-то, в частности в Амадеус-центре в Лондоне — в молодежном театре. Мне пришлось приглашение, и я ходила с ним в наше Министерство культуры — на меня посмотрели скошенным глазом и сказали: «Ну, денег нету...» Это был 91-й год, и с выездом еще были проблемы.

Отец четко научил меня разделять позицию художника и личность человека. Я урок усвоила: к сожалению, человек и его творчество — действительно разные вещи. Если их путать, потом позиция начинает предавать творчество. Я вот смотрю на Марка Захарова: разгром был, Ленинская премия была, партия билет был, театр Ленкома, который он взял как член партии, был — у нас ведь не было беспартийных главных режиссеров, — Марк Антонович даже не вспоминает, что папа к нему очень хорошо относился и к «Доходному месту» писал песни (спектакль, который был закрыт Фурцевой).

Но главный вопрос для меня — исчезновение имени. В России нет этого имени. Есть Окуджава и Высоцкий. А Галич просто исчез. У него в жизни был один-единственный концерт — в Академгородке в Новосибирске в 68-м году. Скоро исполнится 30 лет со дня этого концерта. А большинство концертов — просто кухонные, тайные, подпольные. Он разошелся на цитаты, чаще всего безымянными. Или наоборот, ему приписывают стихи, которых он никогда не писал и написать не мог. Например: *Ублажай теперь свою спесь Созерцаем с высоты. Там, в Израиле, тоже есть Полуверные и жиды. И эти тоже. Ублажай теперь свою грусть — Мол, с собой ношу все свое — И банальную рифму «Русь», И бесельное бытие.*

Автор их, Юлий Ким, довольно часто выступает с воспоминаниями.

Боюсь, что Галич к нам вернется — хоть он и не уезжал — только в XXI веке, а на моем веку возвращение не состоится...

Грамота, врученная Александру Галичу за фильм «Государственный преступник» (1964), подписана Председателем КГБ Владимиром Семичашкиным.

слышу, что анкет в ОВИРе нет и не было. То есть все было так, как мне рассказывала бабушка: ему было предложено либо ехать по израильской визе (особая виза, предельная КГБ), либо — в обратном, что называется, направлении... Но так как отец был в очень хороших отношениях с норвежцами, то, не уезжая из Москвы, он получил нансеновский паспорт. Выехал сначала в Вену, а потом в Осло, оттуда переехал в Мюнхен на «Свободу», а потом уже, когда открылся корпункт в Париже, перебрался туда.

Один раз мне удалось побывать в КГБ, и я не удержалась от вопроса. Мне было очень интересно, кто НЕ подписывал согласия на сотрудничество с комитетом? (Большинство подписывали — вынужденно были; конечно, многие потом ничего особенного не делали, но некоторые, я думаю, делали.) Оказалось, два человека. «Один — потому что идет был, а другой потому что малохольный и поэт — ваш отец», — пояснили мне. «Кто же другой?» — спросила я. — «Лимонов». Мы долго хохотали...

Восстановление Александра Галича в Союзе кинематографистов проходило долго, трудно, с бесконечным ношением бумажек туда-сюда. У меня до сих пор лежит заявление, которое сочинил Евгений Матвеевич Лебедев. Была весна, Перестройка, у всех хорошее настроение: «И олять мы поверили в то, во что невозможно верить, и радость